

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Тютчева Эрнестина (1810–1894)

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье...

Ф. И. Тютчев

Адресат этих строк, Эрнестина Дернаберг, родилась в 1810 году. Ее отец — Эльзасский барон Христиан Пфеффель — был баварским дипломатом, послом в Лондоне и Париже. Вообще родственники Эрнестины считались на родине известными людьми: брат ее деда Конрад Пфеффель прослыл довольно значительным писателем, а родной брат Карл — видным мюнхенским публицистом. Сама Эрнестина воспитывалась в парижском пансионе.

«Мать ее рано умерла, — пишет биограф Ф. Тютчева Вадим Кожин, — и отец женился на гувернантке своих детей, которая оказалась весьма дурной мачехой; Карл и Эрнестина, подобно сказочным Гансу и Гретель, собирались даже убежать из дома. Поэтому Эрнестина при первой же возможности вышла замуж — без любви и за человека уже немолодого. Но на третий год после свадьбы барон Дернаберг умер.

Эрнестина Пфеффель сумела понять и оценить Тютчева, вероятно, более чем кто-либо, — и как человека, и как мыслителя, и как поэта (впоследствии она специально изучила русский язык, чтобы иметь возможность читать тютчевские стихи).

В любви Тютчева и Эрнестины была та полнота близости, которой явно недоставало в первом — в какой-то мере случайном — брачном союзе поэта; в этой любви присутствовало и глубокое духовное взаимопонимание (что со всей очевидностью предстает в дошедших до нас почти пятистах тютчевских письмах к Эрнестине), и властная страсть, которая в своих предельных выражениях как бы даже страшила поэта (это запечатлено в его стихотворениях, обращенных к Эрнестине: «Люблю глаза твои, мой друг...» и «Итальянская villa»).

Полнота любви так соединила их, что расстаться было невероятно трудно...»

Не дожидаясь годовщины со дня смерти первой жены Элеоноры Федоровны, 1 марта 1839 года Тютчев подал заявление о своем намерении вступить в новый брак. Наступивший май был прекрасен. Жених и невеста, сопровождаемая ее любимым братом Карлом, провели его во Флоренции. А 17 июля Тютчев обвенчался с Эрнестиной, теперь тоже — Федоровной, в церкви при русском посольстве в Берне. Ему было тридцать пять с половиной лет, ей — двадцать девять.

С первых же дней их совместной жизни Эрнестина Федоровна стала для Тютчева земным провиденьем, как он скажет позднее в одном из стихотворений. В конце 1839 года он писал своим родителям:

«...Не беспокойтесь обо мне, ибо меня охраняет преданность существа, лучшего из когда-либо созданных Богом. Я не буду говорить вам про ее любовь ко мне; даже вы, может статься, нашли бы ее чрезмерной. Но чем я не могу достаточно нахвалиться, это ее нежностью к детям и заботой о них, за что не знаю, как и благодарить ее. Утрата, понесенная ими, для них почти возмещена... две недели спустя дети так привязались к ней, как будто у них никогда не было другой матери».

Довольно жестокое утверждение, согласитесь. Жестокое по отношению к памяти той, что по существу пожертвовала своей жизнью ради счастья любимого человека. Его счастья с другой женщиной...

Эрнестина Федоровна действительно фактически удочерила Анну, Дарью и Екатерину Тютчевых. В феврале 1840 у нее родилась дочь Мария, а в июле следующего года появился на свет сын Дмитрий.

Проступок, совершенный Тютчевым (самовольный отъезд в Швейцарию для венчания со второй женой), положил конец его служебной карьере. Существовала версия о том, что Тютчев потерял «в суматохе свадьбы и путешествия» дипломатические шифры. Поэт настойчиво стремился в Россию, и в 1844 году возвратился с семьей на родину. Здесь в 1846 у Тютчевых родился еще один сын — Иван.

«С твоим исчезновением моя жизнь лишается всякой последовательности, всякой связности... Нет на свете существа умнее тебя. Сейчас я слишком хорошо это сознаю... Ты... самое лучшее из всего, что известно мне в мире...»

Это — выдержки из тютчевских писем к жене; писем того периода, когда он уже был связан с Еленой Денисьевой.

Вряд ли сие можно отнести к проявлению лицемерия. Дело в другом. Потомок и биограф поэта К. Пигарев констатировал: «Он не был однолюбом. Подобно тому как раньше любовь к первой жене жила в нем рядом со страстной влюбленностью в Эрнестину Дернберг, так теперь привязанность к ней, его второй жене, совмещалась с любовью к Денисьевой, и это вносило в его отношения к обеим женщинам мучительную раздвоенность».

Впрочем, как выяснилось, еще до Денисьевой сердце Эрнестины Федоровны было ранено изменами мужа. Вчитаемся в строки воспоминаний одного из сыновей поэта:

«Брак этот, заключенный опять-таки же по страстной любви, не был, однако, особенно счастливым, и у молодой женщины очень скоро появились соперницы, а через одиннадцать лет после свадьбы Федор Иванович совершенно охладил к ней, отдав всего себя, всю свою душу и сердце новой привязанности...»

И. Шадрин пишет о судьбе Эрнестины Федоровны следующее:

«Она хорошо знала его первую жену Элеонору, была осведомлена о других увлечениях поэта, о давней, с 40-х годов, связи Тютчева с иностранкой Гортензией Лапп, также воспитывавшей двух его сыновей. В течение двадцати лет Лапп получала пенсию, назначенную после смерти Тютчева его вдове: Эрнестина Федоровна, материально обеспеченная, уступила свою пенсию этой женщине и ее детям, родившимся от Федора Ивановича. Непонятные, недостижимые по глубине трагичного чувства и благородства нравы!..»

Долго скрывать связь с Денисьевой ни от жены, ни от светского общества было невозможно. Она, естественно, явилась предметом пересудов, тем более что Елена Александровна через полтора года после начала их близких отношений стала матерью...

Что касается Эрнестины Федоровны, одному Богу ведомо, какие нравственные страдания причиняла ей эта история. Впрочем, она была весьма «удобной» женой: большую часть года жила с младшими детьми в Овстуге, куда Тютчев наезжал частенько, но подолгу не задерживался; зимние месяцы порой проводила за границей. И в Овстуге, и в Германии она получала от Федора Ивановича ласковые письма, полные, казалось бы, любви и грусти от вынужденной разлуки с женой.

Женщина, отнявшая у нее мужа, называла себя Тютчевой и совершенно искренне говорила: «Прежний его брак уже расторгнут тем, что он вступил в новый брак со мной...» Как настоящие супруги, Тютчев и Денисьева не раз путешествовали по Европе, и жизнь поэта в 1850–1864 годах была отдана прежде всего Елене Александровне. «Земному провиденью», Эрнестине Федоровне, оставалась, по сути, только переписка с ним.

Но душа ее по-прежнему болела о Федоре Ивановиче. Так, например, она наставляла из Овстуга падчерицу Анну:

«Не забудь... отложить достаточно денег для того, чтобы бедный папа мог немного приодеться по возвращении, он ужасно оборвался».

В свою очередь Анна, трезво оценивая ситуацию, писала о своей мачехе:

«Мама как раз та женщина, которая нужна папе, — любящая непоследовательно, слепо и долго-терпеливо. Чтобы любить папу, зная его и понимая, нужно... быть святой, совершенно отрешенной от всего земного... Есть только один человек, в котором папа нуждается: это его жена; всего остального он мог бы лишиться, не испытывая никакой пустоты!»

Как повествует В. Кожин, Эрнестина Федоровна явила — в очень мучительных для нее жизненных условиях — редчайшее самообладание. Она, в частности, ни разу за все четырнадцать лет ничем не обнаружила, что знает о любви мужа к другой. Единственное, о чем она говорила в письмах к Тютчеву, — что он разлюбил ее, и давала понять, что именно поэтому им следует расстаться. Он же отвечал: «...ты говоришь мне этот вздор с выражением покорной убежденности» и — решительно возражал жене, отрицавшей его любовь к ней.

Читая его письма того периода, невольно испытываешь чувство неловкости:

«Что же произошло в глубине твоего сердца, что ты стала сомневаться во мне, что перестала понимать, перестала чувствовать, что ты для меня — все, и что сравнительно с тобою все остальное — ничто?»

Он старался поставить существующее положение с ног на голову: переменялся вовсе не он, изменилось отношение Эрнестины Федоровны к нему, это она «перестала понимать», «перестала чувствовать». Ложь во имя спасения? Но спасения чего — семьи, которой уже не существовало, или свободы, которая неминуемо утратилась бы, если б он уже не был женат на Эрнестине Федоровне? И понимал ли Федор Иванович сам, знал ли, чего он желает на самом деле?

Да, его мучило двойственное положение, в котором он вновь оказался, и вновь — вместе с двумя прекрасными женщинами, вполне достойными его вдохновенных строчек. Но тем не менее — признать свою неправоту он был не в состоянии.

«Я вел себя глупо, недостойно, — писал он жене, — по отношению к одной тебе я никогда не был неправ, и это по той простой причине, что мне совершенно невозможно быть неправым по отношению к тебе...»

Или:

«Пусть я делал глупости, поступки мои были противоречивы, непоследовательны. Истинным во мне является только мое чувство к тебе».

Чувство к Денисьевой было, значит, не истинным? Подобные объяснения, конечно, выходят за пределы логического. Но не является ли жизнь великого поэта гипертрофированно ясным зеркалом, в котором порой видим мы свою, двойственную и противоречивую природу человеческую?

...Тютчев потерял Е. Денисьеву 4 августа 1864 года, а через месяц, 5 сентября, приехал в Женеву, где его ждала Эрнестина Федоровна. Она должна была рассеять его горе и развеять тоску. Очень часто жена заставляла его плачущим. Высота ее души была поразительной!

«Его скорбь, — говорила она, — для меня священна, какова бы ни была ее причина».

Последние годы Тютчева были нераздельно связаны с жизнью его семьи. Еще одно чувство — довольно искусственное и придуманное — испытал он. И его, это чувство к близко знавшей Е. Денисьеву Елене Богдановой, выдержала Эрнестина Федоровна. И потерю одного за другим двух детей от Денисьевой, и смерть своих — сына Дмитрия и дочери Марии пережила Эрнестина Федоровна вместе с Федором Ивановичем. Она была возле Тютчева, когда того постиг апоплексический удар, и почти не отходила от мужа все 195 дней, которые он прожил в этом состоянии. «Это несчастное существо, которое уже месяца два даже одеть невозможно», — говорила она. Эрнестина Федоровна считала: «Если бы даже он совершил страшнейшие злодеяния, они уж были искуплены переживаемыми муками».

В день сороковой годовщины их первой встречи поэт написал:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу, волно, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

Видимо, не однажды в его умирающем сердце повторялись молящие строчки, рожденные двадцать лет назад и посвященные жене:

Все, что сберечь мне удалось —
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

Его молитва была услышана. Эрнестина Федоровна пережила Тютчева на двадцать один год. Что было с ней в этот последний период, исследователей уже не интересовало.

А жаль...